

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 8:7,038.6; 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-45-54

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА ИСТОРИКА В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Смоленский Н.И., Фукс А.Н.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье проводится краткий анализ проблемы соотношения исторического и художественного постижения действительности. Исследуемый аспект проблемы – место и роль языка в историческом исследовании на материале взглядов представителей постмодернизма в историографии США и стран Западной Европы XX – начала XXI вв. Теоретической основой анализа является тезис об истории как науке, а не синтезе научного и художественного начал, причем с решающей ролью последнего. Другой основой анализа является принцип объективности познания, несовместимый с тезисом о плюрализме истин как норме результатов познания. В работе кратко анализируются взгляды отдельных представителей постмодернизма, в том числе самого известного из них, Х. Уайта. Анализ данной проблемы имеет теоретическое и конкретно-историческое значение, в том числе и в области обучения по университетскому курсу «Теория и методология истории».

Ключевые слова: постмодернизм, герменевтика, объективность, язык, лингвистика.

THE PROBLEMS OF THE HISTORIAN'S LANGUAGE IN POSTMODERNISM

N. Smolensky, A. Fuks

*Moscow Region State University
24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article briefly analyzes the problem of correlation between historical and artistic comprehension of reality. The investigated aspect of the problem is the place and role of the lan-

---

© СС BY Смоленский Н.И., Фукс А.Н., 2018.

guage in historical research on the basis of the views of postmodernism representatives in the United States and Western European countries historiography of the twentieth and early twenty-first centuries. The theoretical basis for the analysis is the thesis of history as a science, and not a synthesis of scientific and artistic principles, and with the decisive role of the latter. Another basis for the analysis is the principle of objective knowledge, incompatible with the thesis of the pluralism of truths, as the norm of the results of cognition. The work briefly analyzes the views of individual postmodernism representatives, including H. White, the most famous of them. The analysis of this problem has a creative and specific historical significance, including the field of teaching the university course "Theory and Methodology of History."

Key words: postmodernism, hermeneutics, objectivity, language, linguistics.

Середина XX в. отмечена в историческом познании появлением на Западе нового направления – постмодернизма. У данной доктрины есть свои предшественники, даже если они не значатся в качестве таковых у ее авторов. Истоки доктрины в соответствии с ее сутью уходят в область филологической критики языковых памятников, текстов, сохранившихся от прошлого. Первоначальным вариантом такого подхода к использованию письменных источников была герменевтика, в основе которой лежало толкование и реконструкция церковных текстов. Для понимания текста того или иного языкового памятника необходима, с точки зрения А. Бека, знаменитого немецкого филолога, отталкивавшегося от герменевтики, грамматическая и историческая интерпретация, а также толкование документа в связи с личностью автора. Общий смысл этих требований состоит в том, чтобы выяснить, что из окружающих данный документ условий оказывало влияние на его язык – историческая обстановка, характер и особенности личности автора документа, цели его составления и т.д. «Филолог, – писал Бек, – имеет дело или с остатками прошлого или с сообщениями о нем, которые по своей форме отличаются от самых явлений

прошлого. Первый вид – остатки – представляет собой в известной мере иероглифы, которые нужно разгадать, заключая об их значении или об идеях, ими выражаемых. Второе – это знаки (Zeichen), письменные знаки, музыкальные ноты и т.д., не имеющие сходства с обозначаемыми явлениями». «Задача филолога состоит в том, чтобы на основе данных знаков, символов проникнуть в сознание того, кто их начертал, – писал Бек, – задача герменевтики. Речь идет о реконструкции, для чего необходима сопричастность исследователя личности автора текста, интуитивное проникновение и в его духовный мир» [8, S. 124–125, 77–78].

В изложенных взглядах А. Бека высказаны с опорой на герменевтику два требования к анализу текста источников: необходимость выяснения влияния на язык источника окружающих его условий, в том числе личности автора и учета несходства письменных знаков (текста) с тем, что этим обозначается. Следует отметить: реальность того и другого очевидна, что стало в некоторой степени одной из опор постмодернизма, но выводы, сделанные отсюда им, ничего общего с ней не имеют.

Однако у постмодернизма в этом плане также есть предшественник –

Фердинанд де Соссюр (1857–1913) с его теорией языка оказавшей огромное влияние на языкознание XX в. Согласно этой теории язык является не пассивным средством выражения, но структурой, определяющей наше представление о мире реальностей. Опираясь на разницу соотношения слов и предметов в разных языках, на зависимость этого соотношения от времени, Соссюр делал вывод об условности содержания языка, без всякой привязки его к реальности [6, с. 81, 119]. Это открывает путь к неограниченному спектру прочтений текста: ничто не способно предотвратить субъективное прочтение текстов и находить в них любые смыслы.

Это лингвистическое истолкование текстов перенесено постмодернизмом на понимание природы исторических источников и исторического мышления. Оно несовместимо с тем, ставшим обычным с развитием исторического познания в XIX в. представлением, согласно которому историческая реальность первична по отношению к содержанию источника и мышления историка и определяет его содержание в том и другом случае. Вместо этого постмодернизм вводит соотношение между текстами; понятие причинности по отношению к реальным событиям ставится вне рамок историка и исторического исследования. Текст открыт, согласно этому, для множества прочтений, прошлое может быть изображено во множестве вариантов. Каково их соотношение? Это множество выглядит на равных, т.е. в равной мере обоснованных (или ошибочных) утверждений, что определяется и происхождением, природой текста источника, и укорененностью историка в

современном ему мире и вытекающим отсюда многообразным влиянием на него последнего. Понятие объекта как некоего синонима исторической реальности выводится из логики исторического мышления, вследствие чего также теряет всякий смысл то, что является истиной. «Историю как совокупность свидетельств прошлого можно изложить весьма изрядным числом равно состоятельных способов» [9, р. 283].

Таков не только конкретный вывод, но и общий смысл гносеологии постмодернизма, что уже является не проблемой лингвистики, а фундаментальной теоретической проблемой исторического познания. Лингвистический аспект в качестве изначального является составной частью этой проблемы: научное понятие есть прежде всего слово. Соотношение слова и реальности, языка и действительности, жизни имеет прямое отношение и к языку историка, в том числе и к той его структуре, которая является продуктом научного мышления и его средством одновременно – научными историческими понятиями. Постмодернизм в области проблем лингвистики имеет определенную основу: слово, язык не являются слепком действительности, по крайней мере, по следующим причинам и признакам: в словах, хотя и не во всем разговорном языке, выражено в известной мере отношение говорящего к реальности в оценочно-эмоциональной форме, что относится и к языку историка: плебей, аристократия, эксплуатация, справедливость и т.д. Смысл этого не является чем-то общезначимым для всех и в разное время. Далее, слово, что в равной мере относится и ко всем структурам языка историка, не является исчерпывающим

способом выражения смысла отображаемой реальности, что вполне выражено в известном изречении: «мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев). Затем, следует отметить многозначность слов и терминов или вопрос о применении различных слоев для обозначения одного и того же. Наконец, распространенным свойством словаря языка является некоторая степень его неопределенности и неточности: слепая случайность, по случаю плохой погоды, на всякий случай, ни в коем случае, в противном случае, случайная встреча, по счастливой случайности и т.д. Из подобных языковых ситуаций невозможно сделать вывод о том, что же такое случайность в отражении ее структурой обыденного языка.

Перечень того, что свидетельствует о невозможности рассматривать язык в различных его формах – обыденная речь, литературный язык, понятия научного исторического мышления, термины источников и т.д. – в качестве копии, слепка действительности тем не менее не дает оснований считать, что связь между словом и реальностью является произвольной. Но именно таков гносеологический смысл постмодернизма, являющегося крайним выражением отрыва языка от реальности. Язык же во всех его формах – более или менее адекватное отображение действительности. Он включает в себя эмоции его носителей в устной или письменной форме; язык – это смыслы, окрашенные в той или иной мере эмоциями времени, хотя эмоция не сопровождает смысл в любом случае. Богатство языка, выражающегося в обилии слов, выражений, оборотов и т.д., не способно тем не менее вобрать все богатство и многообразие дей-

ствительности, которая неисчерпаема; язык научных исторических понятий не способен вобрать в себя все богатство изучаемых явлений точно так же, как это недостижимо с помощью обыденного или литературного языков в соответствующих областях их применения. Развитие научного познания обогащает, уточняет содержание и смысл научных представлений и понятий: человек – животное политическое (Аристотель), человек – животное общественное (Сен-Симон), но неисчерпаемость действительности властвует и здесь – этот процесс бесконечен.

Неоднозначность содержания слов и терминов, неточность (отнюдь не в математическом смысле точности, который здесь неприменим) является свойством языка. В обыденной жизни это свойство может стать проблемой поведения: я не так вас понял. Однако это свойство обыденного языка не переходит автоматически в область научных исторических понятий: историк не только не может, но и не должен руководствоваться тем или иным смыслом понятия «случайность» в обыденном языке, но обязан выяснить приемлемый научный смысл этого понятия. Для этого необходим научный анализ, в частности, в связи с выяснением соотношения понятий «необходимость» и «случайность», соотношения случайности и намерений действующего лица или лиц и т.д.

Одним словом, те свойства языка в целом, независимо от того, о каком пласте языка идет речь, которые могут быть оценены как его минусы – многозначность, неопределенность и т.д. смыслов и значений, не являются доказательством того, что язык – самостоятельная по отношению к реальности

сфера. Но именно таков смысл известного афоризма не менее известного представителя постмодернизма Дерриды: вне текста не существует ничего. Можно добавить: значит, не существовало и Дерриды. Однако несокрушимая жизненная реальность, а не только здравый смысл, состоит в том, что если бы язык не был отражением действительности по содержанию своих слов, терминов и понятий, и это содержание было бы подвержено произвольному формированию, то человеческое общение было бы невозможно.

Однако пафос постмодернизма по отношению к историческому познанию состоит в стремлении доказать равноценность любых подходов к прошлому по сути представлений о нем. Если при этом понятие истины и не исключается из исторического познания, тем не менее места для нее не остается. Конечный смысл этой гносеологии таков: сколько историков, столько и истин. К тому, что называется наукой, это уже отношения не имеет. Лингвистический поворот, как составляющая эволюции постмодернизма, представлен прежде всего работами американского историка Х. Уайта, появившимися в основном в 70-е – 90-е гг. XX в. В них, прежде всего в метаистории, изложены взгляды, авторская оценка которых выражена в виде теории тропов. В чем ее суть и каков тот способ мышления, который приводил к ее выдвижению? Центральный тезис лингвистического поворота – произвольное соотношение означаемого (реальности) и означающего (образа). Обусловленность этого усматривалась в природе исторического факта, который объявлялся не более, чем конструкцией мышления: «Когда дело доходит до

исторических явлений, здесь все – от начала до конца – конструкция», «...я всегда рассматривал «факт», как конструкцию» [7, с. 13]. Причиной этого является то, что исторические события относятся к прошлому и не поддаются верификации на основе наблюдения [7, с. 12]. Это то, с чем нельзя не согласиться, с той, однако, оговоркой, что, во-первых, историки изучают не только прошлое, но и современность, хотя это не меняет природу исторического познания, и, во-вторых, что в том и другом случае, с опорой историка на источники прошлого и на свои позиции в современном ему мире, речь не идет не об образе изучаемого как копии событий, а о том или ином сочетании достоверного и ошибочного в этом образе. Следовательно, факт в источнике или в мышлении историка – не результат конструкции, ошибочной или намеренной, а результат отображения действительности с элементами истины и заблуждения или намеренного искажения. Тезис же о событии как конструкции в мышлении историка приводит Уайта к выводу о том, что историческое знание «...основано на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с «литературой», чем с какой-либо наукой». Здесь же дается расшифровка того, что такое воображение: это – «...род мышления образами и фигуративными типами ассоциаций, свойственный поэтической речи, литературному письму и, конечно, мифологическому мышлению» [7, с. 12]. В связи с этим выводом Уайт подчеркивал, что его задачей является не выяснять, в какой мере историю

можно рассматривать как вид науки, а уделять внимание прежде всего выяснению художественных компонентов истории, через раскрытие «лингвистической почвы... определить неизбежно поэтическую природу исторического сочинения...» [7, с. 19]. Дальше – главный вывод о художественной природе исторического познания – теория тропов, включающая четыре основных тропа – метафору, метонимию синекдоху и иронию; эти тропы лежат в основе исторических исследований, что, однако, является не завершением решения данной проблемы, а началом ее постановки: как именно это исследование осуществляется? Ответ на этот вопрос можно получить, анализируя текст метаистории, для чего мы обратимся к анализу одного из сюжетов текста, посвященного характеристике исторических взглядов Ранке, одного из самых известных – и не только в Германии – историков XIX в. Какие реальные особенности этих взглядов отражены в данном тексте, в какой мере это связано с опорой на теорию тропов и есть ли отклонения от их точного смысла в интерпретации Уайта?

Х. Уайт затрагивает одну из главных проблем исторических исследований Ранке – его требование «...писать историю таким образом, чтобы речь шла только о том что действительно происходило в прошлом» [7, с. 195]. При всей важности этой проблемы никакой расшифровки ее точного смысла и результатов её решения в исследованиях Ранке Уайт не дает, кроме признания того, что за этим стоит требование Ранке опираться на документальные свидетельства. На самом деле речь идет о проблеме объективности, как главном требовании Ранке

к работе историка. Смысл требования объективности был у него всегда один – соответствие излагаемого (образ) объекту изложения (ход событий); истина – в соответствии образа излагаемой реальности, следовательно, истина только одна. Тезис о равноценности различных образов одному и тому объекту Ранке был неведом и чужд. Однако Ранке не ушел и от постановки неизбежного в этой ситуации мышления вопроса: как этого результата познания достичь? Его устойчивая позиция заключалась в необходимости отказаться от любой личностной позиции в оценке излагаемого, то есть историк не должен быть ни правым, ни левым, ни демократом, ни консервативатором и т.д., быть в исследовании, а не в реальной действительности.

Не ставя данную проблему по отношению к взглядам Ранке, Уайт уходит и от постановки и решения другой – удалось ли это Ранке? В исследованиях самого Ранке нет постановки данной проблемы, что может означать только одно – его уверенность в достижении объективности и истины в его собственных исследованиях. На самом же деле все богатое по объему наследие Ранке как историка говорит о наличии у него вполне определенной основы его исследований – это был историк весьма консервативных по меркам того времени социально-политических взглядов – дворянской идеологии, выраженных идеалистических позиций в понимании истории. Уверенность Ранке в его объективности была его заблуждением; грубой ошибкой Уайта является ничего об этом не писать, характеризуя взгляды Ранке. Следы теории тропов в качестве источника понимания этого у Уайта не

прослеживаются, что не умаляет ошибочности изложенных его представлений о Ранке.

Однако это не исчерпывает перечня их ошибочности. Определенное значение имеет в этой связи проблема предмета исторических исследований Ранке. Лишь один вывод Уайта, высказанный в самой общей форме, обоснован: экономические отношения и факты не были включены Ранке в предмет его исследований [7, с. 204; 2; 3]; что же касается оценки этого и внятного представления о предмете исторических исследований Ранке, то ни того, ни другого у Уайта нет. Более того, он отделяет взгляды Ранке от идеализма и, по существу, игнорирует то, что для Ранке в центре истории стояло государство, являясь ее движущей силой, а предметом истории была соответственно политическая история. Доказательство этому – все тома его исследований. Определенная модернизация взглядов Ранке содержится в утверждении о том, что «...создание системы самоуправляемых наций-государств» было для Ранке целью развития истории [7, с. 205]. Напротив, понятие национального государства не было категорией его мышления, о чем говорит и то, что к объединению Германии он относился отрицательно вплоть до победы Бисмарка в борьбе за это. Далее, не модернизацией, а искажением точного смысла взглядов Ранке является вывод Уайта о том, что «...история (как наука. – Н.С.) есть в конечном счете художественная форма...» [7, с. 222] изображения действительности. Напротив, Ранке, не превращая, впрочем, эту проблему в предмет теоретического анализа, рассматривал историческую науку в каче-

стве самостоятельной дисциплины по отношению к естественным наукам и видам искусства.

Таковы основные черты исторических взглядов Ранке в интерпретации Уайта. Что является ее основой? Прослеживается весьма очевидная связь между идейно-методологическими позициями Уайта и содержанием и оценкой исторических взглядов Ранке. Тем не менее, какова роль в этом теории тропов Уайта? Бросается в глаза, что подавляющая часть рассуждений и выводов Уайта обходится без обращения к данной теории, и все же: в какой степени она является основой исследования исторических взглядов Ранке, выводов и оценок Уайта по этому поводу? Вывод общего характера сделать в данной связи трудно, скорее, невозможно. В частных случаях Уайтом применялся следующий прием. Ранке присуще убеждение в индивидуальности и неповторимости исторических событий, которые фигурируют не в разобщенности, а во взаимосвязи и в единстве, что обоснованно не только по взглядам Ранке. А вот изложение этой позиции с точки зрения тропологии: «...Ранке префигурировал историческое поле в модуле метафоры, утверждающем преимущественный интерес к событиям в их особенности и уникальности..., а затем предлагал синекдохическое их понимание как формальной связности, предельное и окончательное единство которой можно было представить по аналогии с природой частей [7, с.199]. Другой пример. Прочитав рассуждение Ранке об отсутствии хаоса в истории, Уайт заключает: «Утверждаемая здесь метафора органицистская; акцент делается на самом процессе,

но означенный процесс – это не просто возникновение и исчезновение вещей, в отведенное им время, в урочный час. Само время наделяется ценностью благодаря ощущению движения к цели, пусть даже она и остается не обозначенной...» [7, с. 200]. Такие приемы мышления Уайта являются его нормой, а не исключением, следовательно, это не способ получения нового, более обоснованного знания об изучаемом. Перевод смысла в одежду иной терминологии без изменения содержания смысла говорит о бессмысленности этого перевода. Этот вывод правомерен не только в данном случае, но и применительно к теории тропов Уайта в целом.

Полемика с постмодернизмом не может сводиться только к лингвистическому аспекту проблемы; последний является начальной фазой представлений историка о природе его языка независимо от того, о каком из его пластов идет речь – литературном языке эпохи, терминологии источников, научных исторических понятиях и т.д. В зависимости от лингвистического смысла трактовки соотношения языка и реальности находится и решение главной проблемы гносеологии исторической науки – соотношения познавательного образа и исторической действительности.

Основным языковым средством решения этой проблемы являются научные исторические понятия. Происхождение, природа исторических понятий не отличается от происхождения разговорного языка: во всех случаях язык – отображение жизни, реальности. Фундаментальным отличием научных исторических понятий является то, что они по содержанию,

хотя не всегда терминологически, – продукт научного мышления. Данное отличие не преодолевает того принципиального сходства научных понятий и разговорного языка, которое во всех случаях по отношению к любой разновидности языка заключается в невозможности преодолеть неисчерпаемость действительности. Научные понятия так же не способны вобрать все её богатство и многообразие, как и любой другой языковой пласт. Эта неисчерпаемость связана прежде всего с качественным многообразием явлений общественной среды – в отличие от явлений физической мира и природной среды, количественные показатели и признаки которых доступны измерению. Теоретический анализ и обобщение признаков исторической действительности вследствие этого не могут закончиться ни выявлением и группировкой в содержании понятия всех признаков, ни их обогащением на равных ввиду их качественной разницы, ни формированием такого содержания понятия, которое бы в равной мере отражало различные варианты однопорядковых явлений. Одним из результатов этого в истолковании происхождения и природы исторических понятий стала теория идеальных типов М. Вебера, согласно которой понятие является конструкцией мышления, лишенной какого-либо прообраза в исторической действительности [1, с. 390]. Противоположный взгляд на проблему заключается в обосновании опоры содержания исторических понятий на самый развитый, зрелый вариант однопорядковых явлений [4, с. 35–57; 5, с. 183].

Статья поступила в редакцию 24.07.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Смоленский Н.И. О некоторых теоретико-методологических принципах исторической концепции Леопольда фон Ранке // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып. 1. Томск: Томский ун-т, 1963. С. 137–167.
3. Смоленский Н.И. Категория объективности познания в немецкой буржуазной историографии XIX в. и теория «понимания» И.Г. Дройзена // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып. 15. Томск: Томский ун-т, 1982. С. 58–77.
4. Смоленский Н.И. Политические категории немецкой буржуазной историографии (1848–1871 гг.). Томск: Томский ун-т, 1982. 214 с.
5. Смоленский Н.И. История и логика. Проблемы общеисторической теории и природы исторических понятий. М.: МГОУ, 2013. 184 с.
6. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Уральский ун-т, 1999. 432 с. С. 278.
7. Уайт Х. Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века). Екатеринбург: Уральский ун-т, 2002. 528 с.
8. Boeckh A. Enzyklopadie und Methodologie der philosophischen Wissenschaften. Zpz.: Hrgs. v. Bratuschek, 1877. 839 S.
9. White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteen-Century Europe*. Baltimore, 1973. 448 p.

REFERENCES

1. Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.
2. Smolenskii N.I. [On some theoretical and methodological principles of Leopold von Ranke's historical concept]. In: *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki*, iss. 1. Tomsk, Tomskii univ. Publ., 1963, pp. 137–167.
3. Smolenskii N.I. [The category of objective knowledge in German bourgeois historiography of the XIX century and J. G. Droysen's theory of "understanding"]. In: *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki*, iss. 15. Tomsk, Tomskii univ. Publ., 1982, pp. 58–77.
4. Smolenskii N.I. *Politicheskie kategorii nemetskoj burzhuznoi istoriografii (1848–1871 gg.)* [The political categories in German bourgeois historiography (1848–1871)]. Tomsk, Tomskii univ. Publ., 1982. 214 p.
5. Smolenskii N.I. *Istoriya i logika. Problemy obshcheistoricheskoi teorii i prirody istoricheskikh ponyatii* [History and logics. The problems of global theory and the nature of historical concepts]. Moscow, MGOU Publ., 2013. 184 p.
6. Saussure F. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General linguistics] Ekaterinburg, Ural'skii un-t Publ., 1999, pp. 278.
7. White H. *Metaistoriya (Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka)* [Metahistory (the Historical imagination in nineteenth century Europe)]. Ekaterinburg, Ural'skii un-t Publ., 2002. 528 p.
8. Boeckh A. *Enzyklopadie und Methodologie der philosophischen Wissenschaften*. Zpz., Hrgs. v. Bratuschek, 1877. 839 S.
9. White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteen-Century Europe*. Baltimore, 1973. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Фукс Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: an.fuks@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the New and Contemporary History and Metodology, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-nim@mgou.ru

Alexander N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: an.fuks@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смоленский Н.И., Фукс А.Н. Проблемы языка историка в постмодернизме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 45–54.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-45-54

FOR CITATION

Smolensky N., Fuks A. The problems of the historian's language in postmodernism. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 45–54.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-45-54